

Юлия Волкова

Квартира 28

Юлия Волкодав

Квартира 28

«Автор»

2024

Волкодав Ю.

Квартира 28 / Ю. Волкодав — «Автор», 2024

У каждого из нас есть дверь, за которой прячется детство. Иногда она ведет в квартиру, где мы живём до сих пор. Иногда существует уже только в нашей памяти. В квартире 28 живут девочка Юля и её бабушка и дедушка. Которых ни в коем случае нельзя называть бабушкой и дедушкой. Просто Лиля и Миша. А ещё там живёт детство девяностых: с киндер-сюрпризами и волшебными сундучками, недостижимой мечтой о дорогом конструкторе и "Зовом джунглей" по утрам. И счастье, которое было безусловным и безоблачным.

© Волкодав Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	23
-----------------------------------	----

Юлия Волкодав

Квартира 28

Начало

Казалось бы, квартира и квартира. Четвёртый этаж, жёлтая деревянная дверь, покрытая лаком, на двери номер – двадцать восемь. Окна на консерваторию смотрят. По вечерам в консерватории концерты, и, если выйти на балкон, видно собранные гармошкой занавески и огромную-огромную люстру. Сцену не видно: там, где сцена, там окошек нет. Но стоишь, рассматриваешь люстру и занавески и проникаешься торжественностью.

– Сегодня концерт органной музыки дают, – многозначительно говорит Миша.

– Люстра красивая, – вздыхает Лиля. – Но если на башку бахнется, мокрого места не останется.

Знакомьтесь. Миша – это мой дедушка. Лилия – моя бабушка. Но она очень не любит, когда её называют бабушкой, просто терпеть не может.

– Какая я бабушка? – возмущается она. – Бабушки вон, на лавочке сидят в платочках.

Лилия ни в каких платочках ни на каких лавочках не сидит, в нашем дворе вообще ни одной лавочки нет. А если бы и были, она бы точно не сидела. Лилия – санитарный врач и большой начальник, целой лабораторией заведует. В эту лабораторию со всего города везут анализы, если кто-нибудь грибами отравится, например. Или если кого-нибудь клещ покусает энцефалитный. Или если кто-нибудь обосрётся. Травятся и обсираются всегда по выходным и праздникам. Тогда Лилие звонит дежурный из лаборатории, и она убегает на работу, а я остаюсь с Мишей. Который тоже с удовольствием куда-нибудь убежал бы, в архив или в библиотеку, но не может. Потому что Лилия его опередила.

Какие уж тут лавочки, когда все бегают туда-сюда. Ну а так как бабушку я зову просто Лилей, то и дедушку надо звать Мишей, иначе как-то странно получается. За это мне один раз соседка выговор сделала.

– А почему ты бабушку Лилей называешь? Она тебе что, подруга?

Я на соседку большими глазами посмотрела и плечами пожала. Со взрослыми же не спорят. А я предпочитаю ещё и не разговаривать. Особенно с агрессивно настроенными.

А другие окна смотрят на поликлинику. Когда взрослые про неё говорят, они обязательно добавляют, что это поликлиника ФСБ. «ФСБ» произносится многозначительным тоном и чуть тише, чем все остальные слова. Я понятия не имею, почему, но окна поликлиники рассматривать ещё интереснее, чем консерваторию. Во-первых, они ближе, и видно лучше. Во-вторых, там мелькают человечки. Человечки в белых халатах и человечки совсем без одежды. Правда, окна поликлиники до середины замазаны чем-то белым, но если смотреть со своего четвёртого этажа в окна третьего, то всё равно видно. Мне нравится придумывать тайную жизнь этой поликлиники. Я вижу, как по утрам у её входа толпятся люди. Потом двери открываются, люди просачиваются внутрь и как-то распределяются по этажам. Ложатся на кушетки, которые мне тоже из окна видно, и лечатся. А несколько окон закрыты полностью, и я воображаю, что за ними самое главное – операционные! Да, я ещё не знаю, чем поликлиники отличаются от больниц, к тому же я переживаю первую в своей жизни влюблённость – в сериал «Больница на окраине города» и старенького седого доктора в очках. Поэтому мне абсолютно всё равно, что за окном у меня поликлиника. Играю я в больницу, и точка!

Да, я же не пояснила. Мне пять лет. Замечательный возраст, когда есть дело абсолютно до всего, и абсолютно обо всём уже есть собственное мнение. Итак, мне пять лет, я живу с бабушкой Лилей и дедушкой Мишей в большой трёхкомнатной квартире номер двадцать восемь. И это для меня целый мир. В который вы тоже сможете заглянуть.

Новый год

Ёлка просто огромная, до самого потолка. И потолки огромные. Я сижу под ёлкой в окружении кучи коробок с игрушками и знакомлюсь с историей страны. Вот история советского периода: в шуршащую бумагу и блестящую осыпавшимися золотинками вату завернуты кукурузные початки и дирижабли с надписью «СССР», пластмассовая красная звезда для макушки и космический корабль «Восток-3». Не очень-то они красивые – блёклые какие-то и непонятные. Меня гораздо больше занимает новейшая история: в другой коробке игрушки, которые Лиля купила только сейчас, вместе с ёлкой. Тут я всех знаю: вот Хрюша, вот Степашка, а это Каркуша. Они из матового стекла и разукрашены глазурью, как пряники, которые Лиля привозила из Москвы. Мне пряники не нравятся, я хлеб не ем ни в каком виде, даже в виде пряников и пирожных. Но цветную глазурь на домиках и рыбках мне нравится обгрызать.

Игрушки я, конечно, не обгрызаю и даже не облизываю. Я человек взрослый, серьёзный. Сажу себе, историю придумываю. Как Хрюша со Степашкой пошли в гости к Каркуше, а там уже был Филя. Где Филя, кстати? Куда он заделался? Может, вон в той коробке спрятался? Ой, а в той коробке совсем странные игрушки. Синьор Помидор с подбитым глазом – с него краска слезла. И Чиполлино. Сказку про Чиполлино я читала, но мне не понравилось. Страшная она какая-то. И Синьор Помидор страшный, ещё и без глаза, ужас какой.

– Ай! – Миша отдёргивает руку от розетки.

В руках у него гирлянда, которую он с самого утра ремонтирует. Гирляндой называются много пластмассовых звёздочек, соединённых проводочком. Внутри каждой звёздочки – маленькая лампочка. Пока гирлянда лежала на антресолях и ждала нового Нового года, какая-то из лампочек испортилась, и теперь надо найти, какая именно. Пока не найдёшь, гирлянда гореть не будет. Ну Миша и ищет.

– Нашёл? – спрашиваю.

– Нет! Током бьётся!

Я заинтересованно смотрю на Мишу, по сторонам. Вроде нет никого. Лилия на работе, опять кто-то обоссался, наверное. Мы с Мишей ёлку наряжаем. Кто же его бьёт?

– Гирлянда током бьётся. Электричество! – поясняет Миша.

И на розетку показывает. А, это он про то, что в розетку пальцы совать нельзя. Так я и не сую. Ни пальцы, ни карандаши, ни гирлянды. Я вообще эти розетки стороной обхожу. От них, говорят, пожары бывают, а я пожаров больше всего на свете опасуюсь. Мы как-то с Лилей гуляли и видели чёрный-чёрный балкон, с которого тряпки всякие свисали, тоже чёрные. Страшно. Так что никакие гирлянды мне даром не нужны. Тем более, я новую коробку нашла, самую интересную. В ней игрушки крохотные-крохотные, в руках трудно удержать. И очень странные. Есть куколки: девочки, мальчики, деды Морозы. А есть овощи: огурцы, баклажаны. И овощи такого же размера, как куколки, а так ведь не должно быть. Как я должна покормить куколку огурцом, который с неё ростом? А ещё там есть медвежонок в лапте. Голубенький такой лапоть, а из него высовывается медвежонок. Я тут же придумываю, что дед Мороз подарил девочке этого медвежонка на Новый год, и все вместе они обедали огурцом и баклажаном.

Игрушки звякают у меня в руках, Миша несколько раз говорит:

– Только не разбей! Они на мою ёлочку.

У Миши своя, отдельная ёлочка, очень маленькая, пластмассовая. Он ставит её в своей комнате на полку, как бы подальше от меня. Но когда понимает, что я ничего разбивать не собираюсь, позволяет переставлять ёлочку на швейную машинку, ещё одно поле для моих игр, и продолжать историю про девочку, Деда Мороза и Медвежонка в лапте.

– Давай уже ёлку наряжать, а то с этой гирляндой до вечера провозимся, – говорит Миша и лезет на табуретку.

Ёлка такая большая, что даже он без табуретки не достаёт.

– Тащи макушку. Звезду. Нет, не эту. Это коммунистическая звезда. А ты тащи рождественскую.

Что бы я ещё поняла. Оказывается, коммунистическая звезда – она красная и пятиконечная. А рождественская звезда – белая, с кучей блестящих хвостиков и сиреневой фольгой посередине. Странная она какая-то, если честно, но я же вижу, как Мише хочется именно её на макушку водрузить. Наверное, потому что на дворе девяносто первый год. И коммунистические звёзды Мише основательно надоели.

Дедушка Миша – работник культуры. Каждый день он ходит на работу в здание возле памятника дедушке Кирову и оттуда управляет культурой. Всякими там концертами и спектаклями. А по выходным сидит в архиве и пишет книжку про Маяковского, потому что Маяковский – его любимый поэт, который когда-то давно самоубился. А Миша уверен, что всё было не так, и об этом пишет книжку.

Мне тоже Маяковский нравится, особенно про винтовки.

«Возьмём винтовки новые, на штык флажки!

И с песнею в стрелковые пойдём кружки...».

Мне вообще всё вот такое нравится: серьёзное, про войну. Песни про войну нравятся. Я люблю встать посередине комнаты и запеть: «На позицию девушка провожала бойца, тёмной ночью простились на ступеньках крыльца. И пока за туманами видеть мог паренёк, на окошке на девичьем всё горел огонёк». У меня есть железная лампа, в которую надо заливать керосин и крутить колёсико, и тогда будет тоже гореть огонёк. Так Лиля объяснила. Но керосина мне, конечно, не дали, поэтому я машу пустой лампой и воображаю, что в ней горит огонёк, а я – та самая девушка, которая проводила бойца на какую-то таинственную позицию. Но Лиля и Миша не любят, когда я пою. Не знаю, почему. По-моему, это очень здорово – петь, особенно если погромче.

– Шарик давай, – командует Миша с табуретки. – Нет, поменьше. На макушку вешаются самые маленькие шарики, а вниз – самые большие. Запомнила?

Я киваю. Но ничего я не запомнила. Через пять лет, когда Миши уже не станет, мне придётся первый раз самой наряжать ёлку. И я, пытаясь вспомнить его наставления, всё перепутаю и сделаю ровно наоборот – на макушку повешу огромные шары, а внизу – россыпь мелких игрушек. Но Лиля скажет, что очень красиво, потому что это будет наш первый Новый год вдвоём.

Дед Мороз-то ненастоящий!

Перед Новым годом всегда столько хлопот. Не успели разобраться с гирляндой, как новая забота. С самого утра всё идёт как-то неладно. Лиля говорит, что надо надеть платье Снежинки и колготки. Зачем? Зачем так много страшных слов подряд? Платье Снежинки – это белое платье, расшитое блестками, и с мишурой по подолу. Блестки меня не смущают, пусть будут. Но платье! Я ненавижу платья. В них неудобно ползать, в них неудобно лазить, в них даже сидеть неудобно! Но хуже всего, что комплектом к платью идут колготки! Я никак не могу запомнить: два шва – это перед, а один – это зад, или наоборот? Они морщятся на коленках. Под ними всё чешется. Жуть! Поэтому колготки я прячу под крышку старого пианино, на котором всё равно никто не играет. И когда Лиля требует надеть колготки, я сообщаю, что их у меня нет. Она удивляется, долго роется в шкафу, обещает купить новые, а я счастливо напяливаю штаны и какую-нибудь кофту.

Но сегодня фокус не прокатывает. Мне выдают платье Снежинки и новые белые колготки, которые обязательно надо надеть.

– Мы идём гулять? – уточняю я осторожно.

Лиля качает головой.

– Нет. Но к тебе придут очень важные гости. Надо быть нарядной.

Какие ещё гости? Зачем они нужны? У меня нет времени на гостей – я играю в ёлочные игрушки. Потому что ёлочные игрушки достаются раз в год, и надо успеть наиграться. У нас вон Дедов Морозов оказалось целых три штуки: резиновый в зелёной шубе, из папье-маше в бело-красной шубе и пластмассовый с огромным жёлтым мешком и резным посохом. А Снегурочек четыре! И получается, что какой-то из них Деда Мороза не достанется. А это проблема, которую мне надо срочно решить! Ну и какие гости?

Пока никаких гостей нет, я сижу на диване в неудобном платье и колючих колготках и разбираюсь со Снегурочками. Но вдруг в дверь звонят. Я очень надеюсь, что это Лайонел Локридж. Что, я не рассказывала? Я тайно влюблена в Лайонела Локриджа из «Санта-Барбары». И я жду, что однажды он откроет дверь нашей квартиры и появится на пороге. Несколько грущу по поводу того, что не говорю по-английски – мы с мамой пока что только алфавит учим. Но я надеюсь на мамину помощь в этом вопросе и всё равно жду мужчину своей мечты.

На пороге, увы, не Лайонел. А какой-то мужик в больших квадратных очках и бело-красной шубе. С посохом и мешком. Рядом с ним стоит улыбающаяся тётенька.

– А здесь ли живёт хорошая девочка Юлечка? – громко вопрошает мужик.

Я не уверена. Не уверена, что Юлечка хорошая девочка, это раз. Не уверена, что с мужиком стоит разговаривать, это два.

– Здесь, здесь. Проходите!

Лиля провожает гостей в зал. Я снова забираюсь на диван с ногами. Мужик смотрит на меня в упор.

– Не узнаёшь? К тебе пришли Дедушка Мороз и его внучка Снегурочка.

Да ладно! Я знаю, как выглядит Дед Мороз. Во-первых, у него есть борода. Во-вторых, он старенький. А этот выглядит как мой папа. А тетка без кокошника даже.

– И у нас есть для тебя подарок, – уже менее уверенно продолжает мужик, обескураженный не слишком тёплым приёмом. – Но, чтобы его получить, надо спеть Дедушке Морозу песенку.

Он уверен? Я-то спою, я очень люблю петь. Но окружающие обычно на моё пение как-то нервно реагируют.

– Ты споёшь нам песенку? – присоединяется тётя, выдающая себя за Снегурочку.

– Спою, – милостиво соглашаюсь я.

– Какую? Может быть, мы тебе подпоём? «В лесу родилась ёлочка?».

Я отрицательно мотаю головой. Про ёлочку неинтересно, про ёлочку пусть малышня поёт. Я весёлую песню знаю.

Выхожу в центр комнаты. Беру в руку пластмассовую Снегурочку как микрофон, потому что всем известно, что без микрофона не поют. И затягиваю:

«Ах, когда помрешь ты, милый мой дедочек?

Ах, когда помрешь ты, сизый голубочек?

Во середу, бабка,

Во середу, Любка,

Во середу ты моя сизая голубка...»

У фальшивого Деда Мороза вытягивается лицо. Фальшивая Снегурочка тоже выглядит озадаченной. Только Лиля ничему не удивляется, потому что я эту песню уже неделю пою. По телевизору её часто крутят, ну я и выучила.

– Замечательная песенка, Юлечка, – выдавливают наконец Дед Мороз. – А какой-нибудь стишок ты нам расскажешь?

Милостиво киваю. Стишок мы буквально вчера с мамой учили. Ну, то есть мама учила, по листочку, который ей дал какой-то друг. А я слышала. И тоже выучила: я быстро запоминаю

то, что слышу. Стихотворение немножко непонятное, но серьёзное, мне такие нравятся. Чтобы можно было с печальным выражением читать.

Так я и начинаю читать, с печальным выражением.

«Год за годом в тихом озёрце,
обрамлён пейзажиком исконным,
отражался маленький райцентр
с красным флагом над райисполкомом.

Но однажды вздрогнула вода,
потемнело озеро к ненастью —
передали новость провода,
что пошла борьба с Советской властью!»¹

Половина слов непонятна, но с песнями и стихами так часто случается, ничего страшного. Главное же – настроение! Я это стихотворение уже Мише читала, но он почему-то ругаться начал, причём на маму. А мне нравится!

Вот и Дед Мороз не в восторге. Смотрит почему-то на Лилю, а та только плечами пожимает.

– Какое время, такие и дети, – говорит непонятно.

– Юлечка, а давай вокруг ёлочки хоровод водить! – весело предлагает фальшивая Снегурочка.

Я мрачно смотрю на неё. Тётя, ну ты вообще нормальная? Ёлочка стоит в углу комнаты, это раз. Обойти её просто не получится, за ней книжный шкаф. А ещё ёлка огромная, это два. А нас всего трое. Какой хоровод?!

– И твоя бабушка к нам присоединится, правда? – заискивающе спрашивает фальшивый Дед Мороз.

Хых... Это он загнул, конечно. Во-первых, Лиля ему сейчас объяснит, что никакая она не бабушка. Во-вторых, не будет она хороводы водить. Она, между прочим, большой начальник и такими глупостями не занимается.

– Давайте без хороводов, – сухо говорит Лиля. – Мне кажется, Юля уже хочет получить подарок.

Не то, чтобы хочет. Но мешочек выглядит соблазнительно. Он фиолетовый и расшит золотыми звёздами. Внутри наверняка какие-то игрушки или что-то не менее интересное!

– Да-да, конечно! – спохватывается фальшивая Снегурочка. – Держи, Юленька! С Новым годом! Давай сделаем фото на память!

Мне вручают мешочек, фальшивый Дед Мороз достаёт фотоаппарат. Нерешительно протягивает его Лиле.

– Вы умеете фотографировать?

Лиля всё умеет. Она берёт фотоаппарат, фальшивые Дед Мороз и Снегурочка садятся на диван по обе стороны от меня. В очередной раз обещают птичку, которая всё равно не вылетает. И это понятно, потому что птичка живёт не в фотоаппарате, а в часах, у нас на кухне. И вылетает из них каждый час. При чём тут фотоаппарат – вообще непонятно.

Лиля делает фото, возвращает фотоаппарат и идёт провожать гостей в прихожую. А я наконец-то открываю волшебный мешочек. И понимаю, что никакой он не волшебный и внутри нет никаких игрушек. Внутри лежат мандарины и шоколадные батончики «Рот Фронт». И от того, и от другого у меня диатез, поэтому мешочек Лиля тут же отправляет в холодильник.

– По одной мандаринке и по одной конфете в день, хорошо? – говорит она.

¹ Евгений Лукин «Баллада о невидимом райцентре»

Я только плечами пожимаю. Неинтересно.

– Тебе не понравился Дед Мороз?

– Он ненастоящий.

– Конечно, ненастоящий, – соглашается Лиля. – Настоящий – волшебник, он только в новогоднюю ночь приходит.

– И приносит настоящие подарки? – уточняю я.

– Несомненно, – кивает Лиля.

– А когда новогодняя ночь?

– Завтра.

Что ж... Посмотрим. А пока можно стянуть ненавистные колготки, натянуть нормальные штаны и вернуться к проблеме четырёх Снегурочек и трёх Дедов Морозов.

Маленькие игрушки

Настоящий Дед Мороз приволок целый сундук подарков. Натурально сундук, огромный такой, я в него целиком помещаюсь. Из картона, конечно, а цепи, которыми он якобы окован, вообще нарисованные. Но я в диком восторге и в таком же недоумении. Это первый Новый год, когда я смутно осознаю, что происходит. Я впервые знакомлюсь с традицией, по которой утром первого января надо искать под ёлкой подарки. А накануне надо лечь спать пораньше, чтобы Дедушка Мороз мог прийти через открытую форточку. Форточку тоже надо открыть заранее, но Лиля не разрешает мне спать с открытой форточкой, потому что зима, и можно простудиться. В общем, форточку надо открыть, но открывать её нельзя. Короче, «не пудри взрослым мозги, Дед Мороз волшебник и как-нибудь без тебя разберётся с форточкой. Ты, главное, спать вовремя ложись».

И я ложусь, потому что никаких дел, вроде просмотра новогодних огоньков, у меня в моей пятилетней реальности ещё нет. А утром рассматриваю сундук и думаю, что мне со всем этим добром делать. В сундуке лежат новые игрушки на ёлку. Но ведь мы уже украсили ёлку игрушками старыми. Там лежит шоколадный календарь, у которого надо открывать окошечки каждый день и съедать по шоколадке. Шоколад очень вкусный, картинки в окошечках интересные, на обороте календаря раскраска с кучей мелких деталей, как я люблю. Но есть вопрос. Почему дней в месяце тридцать один, а окошечек двадцать пять? И чего мы, собственно, ждём, к чему стремимся? К самому большому окошечку, в котором самая большая шоколадка? Так в сундуке лежат шоколадки и побольше, целые толстые плитки, ешь – не хочу.

Но самое замечательное в сундуке – это маленькие куколки. Я люблю только маленькие игрушки. Барби у меня уже есть, настоящая. И ещё штук десять ненастоящих, китайских. И Синдия есть, даже беременная. И три Кена. И штук десять маминых ещё пупсов. Но все эти игрушки меня совершенно не занимают, потому что непонятно, как с ними играть. Барби можно только наряжать и водить на свидания, а это неинтересно. Синдия бесконечно беременеет и рождает, это ещё меньше интересно. И, кстати, вопрос, почему на свидания с Кеном ходит Барби, а беременеет Синдия. Но я задамся этим вопросом намного позже, а пока куклы просто валяются в дальнем углу. А вот маленькие игрушки позволяют рассказывать истории. Я ещё не знаю, что рассказывание историй станет моей профессией, но рассказываю их в любое свободное время. Для этого мне нужна ровная поверхность – лучше всего подходит пол с ковром (хотя Лиля ругается, пол холодный), декорации в виде кукольной мебели или, на худой конец, раскрытой книжки с картинками (особенно хороши книжки-панорамы, какой-нибудь «Кот в сапогах», где есть замок, или «Курочка Ряба», где есть избушка). И герои моих историй – маленькие куклы. Чем больше разных кукол и кукольной мебели, тем интереснее игра.

Поэтому на все праздники я прошу «маленькие игрушки». И теперь в сундуке нахожу набор: толстенький мальчик в очках, девочка с хвостиками и... бензоколонка. Машины нет. Бензоколонка есть. И меня ничего не удивляет! Бензоколонка так бензоколонка, будем играть

в заправку. Что я, в своих богатствах машинку не найду, что ли? И прямо под ёлкой разыгрывается сценка, в которой мальчик Рома (этот толстяк навсегда останется Ромой – имена я даю сразу и на всю жизнь) работает на заправке и обслуживает приехавшую на старенькой машинке новенькую девочку Милу.

– Не ребёнок, а золото, – говорит Лиля, заходя в комнату. – Сама проснулась, сама играет, никому не мешает.

Бабушка Лилия часто говорит, что я золото. Ей просто есть, с чем сравнивать, она же до этого мою маму воспитывала. Лилия не очень любит об этом распространяться, но сравнения так часты, что у меня закрадываются подозрения, что мама была не очень примерной девочкой. Например, в семье ходит легенда, как маман заявила пришедшему к ней детскому врачу (из номенклатурной советской поликлиники): «Пошла в жопу, дура». Меня явно отличает большая сдержанность в оценках.

А вообще Лилия лукавит. Это я сейчас никому не мешаю, потому что утро выходного дня, и я играю под ёлкой, а не прыгаю на спящих взрослых с требованием идти гулять. А вечером дня рабочего, когда взрослые соберутся в той же большой комнате смотреть «Санта-Барбару» по телевизору, я им ещё как мешать буду. Хотя по-прежнему буду сидеть на ковре под ёлкой (ну или без ёлки) и рассказывать истории про маленьких кукол. Проблема в том, что все истории я рассказываю вслух. Ну не могу я играть молча! Мне не нужны зрители и слушатели, я не для них стараюсь. Я просто не понимаю, как это – молча играть. В смысле «про себя»? Читать я про себя научилась после неоднократных настойчивых просьб всё тех же любителей «Санта-Барбары». А вот играть про себя – ну это невозможно!

– Смотри-ка, Дедушка Мороз ночью у нас пировал! – говорит Миша и показывает на неубранный со вчерашнего вечера стол. – И шампанского выпил, и кусок вафельного торта съел.

Я послушно осматриваю пустой бокал и тарелку со следами вафельной крошки. Не то чтобы меня эта история впечатляла. Ну съел и съел, на здоровье. Спасибо, что форточку за собой закрыл, и меня не продуло. И вообще мне не до ваших глупостей, у меня же новые маленькие игрушки. И новая история, которую срочно надо рассказать.

Дон Кихот

– Мне нужен меч, – серьёзно заявляю я, возникая перед Мишиным столом. – И латы. И Росинант.

Если Миша дома, он почти всегда за столом и почти всегда что-то пишет. То статью в газету, то сценарий для бенефиса в театре (почти все слова мне незнакомы, но я не отчаиваюсь), то новую главу для книги. Миша наливает себе чай в стакан с серебряным подстаканником, опускает туда серебряную ложку с буквой «М», курит на кухне с задумчивым лицом, а потом идёт в зал, садится за большой стол и пишет. Я смотрю на него, беру свою чашку с котом, воруящим курицу, прошу Лилию налить мне туда чаю. Не курю, но с задумчивым лицом иду в зал, сажусь за свой маленький столик и рисую. Потому что писать пока не получается.

Но сейчас мне не до глупостей. Сейчас у меня настоящая проблема. Мне нужен меч. И латы. И Росинант. Миша сразу понимает, в чём дело.

– Ты – Дон Кихот? – серьёзно спрашивает он.

– Да, – так же серьёзно подтверждаю я. – А ты – мой Санчо Панса.

Миша покорно кивает. На прошлой неделе он был Зигзагом МакКряком. А я Дядюшкой Скруджем. Мы летали на остров Пасхи на прекрасном самолёте, которым служила Мишина кровать. Правда, посадка была жёсткой – Зигзаг вообще не мастер мягких посадок. Но зато нас чуть не затопило лавой, и мы нашли кучу драгоценных монет.

А две недели назад Миша был доктором Ватсоном. Мне тогда срочно понадобилась трубка, которую пришлось вырезать из морковки, мужская рубашка, за которую худо-бедно

сошла какая-то зелёная кофтенка, и галстук. Галстук Миша мне выделил не английский, как полагается, а ковбойский, из двух пёстрых ленточек. В общем, беда с реквизитом та ещё. Трубку я, то есть Шерлок Холмс, два раза сгрызал. Нечаянно. И приходилось вырезать по новой.

– Так, – вздыхает Миша. – Ну, Росинант у тебя есть. Тащи красного коня! Чем тебе не Росинант?

Точно, у меня же есть конь! Правда, я думала, что это кобыла, но опустим детали. Красный пластмассовый конь на белых пластмассовых колёсиках, которые царапают паркет квартиры двадцать восемь. Но меня Лиля и Миша любят больше, чем паркет, поэтому пусть царапает. А ещё у лошади есть колечко в основании гривы, которое можно потянуть, и тогда лошадь ржёт как сумасшедшая, и взрослые подскакивают.

– А меч? – напоминаю я. – А латы?

– А меч и латы я тебе сделаю, – обещает Миша и со вздохом откладывает исписанные листы.

Меч и латы он мастерит из картона и всяких блестящих штучек. Не зря он никогда не выкидывает обёртки от шоколадок и шоколадных медалек. Всю остающуюся от сладостей фольгу Миша всегда разглаживает ногтем и аккуратно складывает в ящик швейной машинки «Зингер». Не знаю, почему именно туда и что вообще «Зигнер» делает в нашем доме, потому что Лиля никогда не шьёт. Мне кажется, она в глубине души презирует любые женские занятия, а для того, чтобы что-то подшить, ушить или перешить всегда есть «девочки с работы». Потому что Лиля – начальник, и некогда ей глупостями заниматься. Но «Зингер» стоит и служит для разных других целей. Миша хранит в его ящиках фольгу, я играю на деревянной поверхности в маленькие игрушки, а ещё иногда качаюсь на её чугунной решётке и кручу чугунное колесо. И тогда Лиля обязательно напоминает, чтобы я не совала в колесо пальцы. Абсолютно зря напоминает: я вообще никогда ничего никуда не сую, я же уже рассказывала.

Миша вырезает латы из картона и украшает блестящими вставками фольги и кружками медалек. Я объезжаю свеженаречённого Росинанта, оставляя на паркете свежие царапины. Работа кипит.

– Чем вы занимаетесь? – удивляется пришедшая с работы Лиля.

Она принесла два пакета, в которые я должна засунуть нос, ведь там наверняка что-то вкусненькое для меня. Но мне некогда – у меня Росинант. А у Миши латы.

– Доспехи Дон Кихота сооружаем, – вздыхает Миша. – Ты зачем ей «Дон Кихота» читала?

– Я не читала, – отрекается Лиля. – У нас даже книги такой нет. Я только сказки про него рассказывала.

– Что?! Какие ещё сказки?

– Как они с Санчо Пансой застряли в тайном подземном лабиринте, а потом выползли.

Глаза у Миши становятся большие-большие, а седые усы, обычно лежащие ровно, кажется, встают торчком. Альтернативную историю хитроумного идадьго он не ожидал услышать.

– А я виновата? Она каждую ночь требует сказки про Дон Кихота. А я его не читала! Ну и придумываю!

– Откуда он вообще взялся у неё, Дон Кихот? – удивляется Миша.

– У тех бабушки с дедушкой прочитала, – Лиля делает многозначительную интонацию на слове «тех». – Откуда же ещё?

– Не рано ли, Сервантеса в пять лет? Есть же более подходящие книжки.

– Людмила Осиповна говорит, она сама берёт книжку, несёт и требует «Читай». А ей куда деваться? Читает.

Вообще-то дело обстоит не совсем так. У «тех» бабушки с дедушкой я действительно нашла «Дон Кихота» с иллюстрациями, меня заворожившими. Рассматривала картинки, пыта-

лась читать сама. Но в интересной книжке оказалось слишком много букв и слишком много сложных слов. Поэтому я упростила себе задачу и ходила с толстой книжкой за «той» бабушкой Люсей, требуя почитать вслух. Ну мне и читали. Но то всё было следствие. А причиной стал сериал «Дон Кихот», который днём крутили по телевизору. Где высокий красивый дядька с бородой и усами катался на Росинанте в сопровождении верного Санчо Пансы и дрался за честь прекрасной Дульсинеи.

– Красивый? – переспрашивает Миша, выслушав мои пояснения. – Дон Кихот?

Лиля как-то странно кашляет. Поперхнулась, что ли? Надо по спине постучать?

– Ну, после «Больницы на окраине города» не так уж плохо, – бормочет она.

– Чёрт бы побрал это телевидение, – почему-то сердится Миша и прибавляет уже совсем непонятное. – Развалили страну!

Я только плечами пожимаю и жду, пока мне отдадут мои латы и меч. Ведь мне ещё нужно побороться с ветряными мельницами до ужина!

«Те» бабушка и дедушка

Пора бы пояснить, что за «те» бабушка и дедушка и зачем мне так много родственников. Ну, просто кроме мамы у меня ещё есть папа, а у него тоже есть родители. Так что бабушки и дедушки у меня в ассортименте. В квартире двадцать восемь с окнами на консерваторию живут мамыны родители. А папины – в квартире номер тринадцать. И из окон там ничего интересного не видно – деревья и деревья. Ну и ладно, в той квартире и без окон много чего любопытного.

«Тех» бабушку и дедушку зовут Люся и Гена. Взрослые их называют Людмила Осиповна и Геннадий Алексеевич – и всегда с придыханием. Потому что дедушка – большой начальник, а бабушка – жена большого начальника. Как вы понимаете, маленьких начальников у меня среди родственников вообще не водится.

Когда я собираюсь погостить у «тех» бабушки и дедушки, за мной присылают «Волгу» с водителем, дядей Володи, который всегда смешно шутит. Бабушка Люся тоже с ним приезжает, чтобы меня забрать, потому что Лиля (которая не любит приставку «бабушка») очень нервничает, когда я куда-нибудь уезжаю, и, если за мной приехало меньше двух человек, она будет нервничать ещё больше.

– А что мы будем делать? – спрашиваю я у бабушки Люси, забираясь на сидение «Волги».

Потому что просто жить у «тех» бабушки и дедушки невозможно. В квартире тринадцать обязательно будут какие-нибудь приключения. Прошлый раз я налила в мыльницу воду и каждые пять минут бегала в ванную комнату смотреть, не растворилось ли мыло. Потому что у бабушки Люси целая коллекция мыла в ящике комода, и мне хотелось, чтобы мы взяли оттуда какое-нибудь новое. Лучше всего мыло «Тик-так» с Хрюшей и Каркушей на обёртке. Обёртка же точно мне достанется! А для этого надо, чтобы старое мыло кончилось. Ну вот я и помогала ему кончиться поскорее. А позапрошлый раз бабушке Люсе некогда было со мной играть – она мыла шкафы на кухне, и она велела мне «самой себя развлекать». Ну я и развлекала – пошла на балкон за юлой, потому что без юлы себя развлечь никак невозможно. А на балконе широкий порог, о который я запнулась. А у юлы была отколота ручка, которую надо нажимать, чтобы юла крутилась. Это не я отколола, честно-честно, она всегда такая была. И вместо ручки торчала просто железка. В общем, я запнулась о порог, упала, а тормозила подбородком. О железку. Визгу было...

Визжала больше всего бабушка Люся. С перепугу намазала мне подбородок детским кремом, а потом йодом.

– А чего зелёнки не добавили для комплекта? – интересовался врач скорой помощи, накладывая швы.

Словом, бабушка Люся не говорит про меня, что я «золотой ребёнок». Очевидно, потому, что у неё не дочка была, как у бабушки Лили, а два сына. И дедушка Гена, по её рассказам, бил

их тапочком за то, что курили в сарае и могли пожар устроить. Я в сарае не курю, тапочком меня не бьют, но и «золотым ребёнком» не называют. Как-то так.

– Что мы будем делать? – повторяю я. – А ёлочку наряжать будем?

– Ёлочка давно стоит наряженная, – вздыхает бабушка Люся. – Пятое января на дворе.

– Как же так? – огорчаюсь я. – Вы что, без меня ёлочку нарядили? Меня подождать не могли?

– Мы с тобой на улице ёлочку нарядим! – предлагает бабушка Люся. – Пойдём во двор, там много ёлочек растёт, выберем самую красивую и нарядим.

– На улице игрушки украдут, – прагматично замечаю пятилетняя я. – Жалко будет.

– А мы свои игрушки сделаем! Самодельные! Их не украдут!

Идея бабушки Люси кажется мне логичной. Так-то у меня с логикой плоховато, ведь самодельные игрушки должно быть жалче, чем покупные. Но пока меня завораживает мысль, что игрушки, оказывается, можно и самим мастерить.

– А ещё мы зайдём в «Юбилейный» и купим новую игрушку, которую ты сама повесишь на ёлочку у нас дома, – продолжает бабушка Люся.

Ну, её можно понять. Она не так часто меня видит, успевает соскучиться. Ей хочется меня порадовать. А может быть, чувствует вину за наряженную без меня ёлочку. А вина серьёзная – всё самое интересное случилось без меня.

– Вы хоть медведя моего повесили? – сурово интересуюсь я.

– Повесили, повесили, – успокаивает бабушка Люся.

У «тех» бабушки и дедушки ёлочных игрушек мало, всего одна коробка. И все они какие-то скучные – шарики и шишки. Но есть розовый стеклянный медведь. Не знаю, почему розовый, почему только медведь, без зайца, лисички или ёжика. Но вот так. И поэтому он мой любимый медведь и обязательно должен висеть на ёлке.

Дядя Володя нас высаживает около «Юбилейного» и уезжает на дедушкину работу. Потому что он всё-таки дедушкин водитель, а не бабушкин, и должен возить дедушку, а не ждать, пока мы с бабушкой нагуляемся по магазину и настоимся в очереди. А в «Юбилейном» всегда очереди.

«Юбилейный» – это магазин, в котором продают что угодно. Там есть хлебный отдел, куда всегда большая очередь, зато там можно купить печенье «Юбилейное». Меня завораживает это сочетание, и кажется, что в «Юбилейном» обязательно надо покупать «Юбилейное». В бумажной хрусткой пачке, которую я разворачиваю тут же, в магазине, пока бабушка Люся будет стоять в очереди в другой отдел, где продают новогодние игрушки. Я осматриваю каждую печенку и ищу подгоревший краешек. Повезло: есть целых две печенки с подгоревшими краешками, которые я немедленно обгрызаю. Потому что вообще-то я печенки не люблю, и любой другой хлеб не люблю, я уже говорила. Могу обгрызть краешек печенки, могу посыпку с пряника облизать, в самом крайнем случае – макушку у кулича сгрызть. А остальное – сами.

– Выбирай игрушку, – шепчет мне бабушка Люся.

Наша очередь уже почти подошла. Я дотягиваюсь до прилавка, чтобы рассмотреть игрушки. Они лежат в коробках, сияют блёстками и пахнут Новым годом и дефицитом. А... Из чего тут выбирать-то? Есть или оранжевые шары с россыпью белых глазуристых капелек, или Снегурочки разных цветов. У Снегурочек нет ни рук, ни ног – только шуба, шапка и лицо. Станные, в общем, барышни. Мне важно, чтобы даже новогодние игрушки были игрушками, чтобы с ними можно было поиграть, какую-то историю придумать. А если у неё ни рук, ни ног, это какую историю придумаешь? Про бедную девочку-инвалида? Уж лучше тогда с медведем играть, пусть и розовым.

Но я вежливо делаю вид, что мне нравится Снегурочка, выбираю голубенькую. Нам её завораживают в бумагу, и мы, довольные, идём домой, в квартиру номер тринадцать.

Про квартиру номер тринадцать надо рассказать отдельно. Во-первых, у неё огромный и прямой коридор, по которому можно носиться туда-сюда или рассекать на трёхколёсном велике. Во-вторых, в зале постелен ковёр во всю комнату, и можно играть на полу сколько влезет: пока дедушка на работе, бабушка Люся ругаться не будет. А если дедушка пришёл с работы, можно уйти в нашу с бабушкой комнату и играть там: там тоже есть ковры и целый балкон. Балкон заставлен коробками с печеньем, вафлями и шоколадками, и можно брать, сколько хочется. Но сладости мне и в квартире двадцать восемь можно брать, сколько захочется, поэтому коробки меня не особенно соблазняют, я их использую для строительства кукольных домиков.

В квартире тринадцать очень много комнат, и некоторые из них очень странные. Например, там есть дедушкин кабинет, в который нельзя заходить без спроса. По роковому стечению обстоятельств, именно в нём хранятся самые интересные вещи: маленькая модель машины «Чайка» с открывающимися дверками, которую я очень хочу заполучить в игрушки, и миниатюра под стеклом «Ленин в Разливе». Тут обиднее всего, что под стеклом, потому что, если бы это стекло как-нибудь оторвать, какое поле для игры бы получилось! Там же и шалашик есть, и деревья, и костёр с котелком. Туда бы пару маленьких куколок засунуть и играть до потери пульса. Но стекло не отрывается, и в кабинет дедушки можно заходить только когда он дома.

А ещё в квартире тринадцать есть комната папы. Но папа там не живёт, потому что живёт отдельно.

– Он тут жил, когда был маленький? – однажды уточнила я.

Бабушка Люся как-то неопределённо кивнула. Это потом я узнала, что бабушка и дедушка переехали в квартиру тринадцать, когда папа уже заканчивал школу. А потом он быстро вырос, встретил мою маму, и они стали жить самостоятельно. А пока что меня очень удивляет, что в папиной детской комнате нет совсем никаких игрушек и вообще ничего интересного. Кровать, полка со скучными взрослыми книжками («Дон Кихот» в моём представлении – интересная детская книжка, да, потому что в ней картинок много) и стол со стеклом. Стол примечателен тем, что под стекло можно засунуть какие-нибудь картинки или фотографии, и тогда получается, что стол уже не совсем обычный. Меня эта магия завораживает. Под стеклом хранятся разные фотографии, и мне особенно нравится фотография, где дяденька в фуражке стоит с какой-то папкой, а сзади него ещё много дяденок в фуражках стоят.

– Это Игорёк, сын тёти Муси, принимает присягу, – объясняет мне бабушка Люся.

Тётя Муся – бабушкина сестра, которая живёт в далёком и непонятном городе Минске. А кто такой Игорёк, я вообще слабо понимаю, но фотографию очень люблю рассматривать.

У бабушки Люси есть ещё одна сестра, бабушка Галя. Она живёт в Волгограде, и я бы не упоминала об этом, если бы не одна деталь. Бабушка Галя иногда приезжает в гости и привозит подарки. Любая нормальная девочка радовалась бы этому обстоятельству, но однажды бабушка Галя привезла «Родину-мать». Не ту самую, которая на Мамаевом кургане стоит – так бабушке Гале в чемодан бы не поместилась. А маленькую копию, но почти как настоящую: в одной руке меч, рот открыт в призывном крике. Родину-мать бабушка Люся поставила на шкаф в нашей с ней спальне. И когда я в очередной раз приехала к «тем» бабушке и дедушке в гости, меня ждал сюрприз.

Как я ревела, бабушка потом долго вспоминала. Сначала она пыталась меня уговорить. Ну чего, мол, бояться, хорошая женщина, стоит себе и стоит. С мечом. Но уговоры на меня не действовали – Родина-мать пугала до чёртиков. В итоге бабушке Люсе пришлось замотать её в полотенце и переселить в ванную комнату. Потом, когда я уезжала, бабушка возвращала Родину-мать на место. А когда я снова собиралась погостить, опять героически лезла на шкаф. Надо же, столько лет прошло, а Родина-мать меня всё равно пугает до чёртиков, но уже не в виде скульптуры.

Одним словом, в квартире номер тринадцать много удивительных вещей, а жизненный уклад совсем не похож на тот, к которому я привыкла в квартире номер двадцать восемь. И эти перемены то в одну, то в другую сторону, смотря у кого я живу, меня очень забавляют.

Например, бабушка Лиля (которую нельзя называть бабушкой и которая доктор) всегда следит, чтобы я мыла руки, чтобы никто в доме не ел из моей тарелки и не брал мою вилку. У меня особенная вилка с зайчиком. Впрочем, у дедушки Миши вообще свой стакан и своя ложка с буквой «М», так что удивляться нечему. А у дедушки Гены и бабушки Люси совсем другие правила. Салат или ещё что-нибудь вкусное тут подаётся в большой деревянной миске, которая ставится на середину стола, и все из неё едят своими ложками, не перекладывая еду в тарелки.

– Когда я был маленький, мы и суп так ели, – рассказывает дедушка Гена, почему-то посмеиваясь. – Сначала жижу хлебали, потом гущу подцепляли. А если кто пытался вперёд очереди мясо подхватить, того мать по лбу ложкой била.

А ещё дедушка утверждает, что суп или котлеты из его тарелки в два раза вкуснее, чем из моей. Поэтому я обычно ужинаю два раза. Один раз с бабушкой, а второй раз, когда дедушка возвращается с работы – из его тарелки.

– Ну, беги, загляни под ёлочку, – торопит меня бабушка Люся, когда мы заходим в квартиру номер тринадцать вместе с надкусанной пачкой печенья «Юбилейное» и голубой Снегурочкой в серой бумажке. – Там тебе Дедушка Мороз подарок оставил.

Странный этот Дедушка Мороз, конечно. Это он, получается, по всем квартирам за мной бегает и подарки оставляет? Иду в зал, лезу под ёлочку, предварительно проверив, висит ли мой розовый медведь. Медведь висит, всё в порядке. А под ёлочкой стоит слон. Белый фарфоровый слон. И так как ничего другого под ёлочкой нет, очевидно, что приволок слона Дедушка Мороз. Я же говорю, он очень странный. Старенький, наверное. Старенькие все странные.

– Нравится? – беспокоится бабушка Люся.

– Очень, – вру я.

Вот что мне с этим слоном делать? Он слишком большой, чтобы с ним играть – я же играю только с маленькими игрушками. А ещё он слишком тяжёлый, я его поднимаю-то с трудом. И ни в какой мой игрушечный сценарий он не вписывается.

– Ты Снегурочку на ёлку повесь, – советует бабушка.

Я покорно вешаю Снегурочку. Потом делаю вид, что играю со слоном. На самом деле просто ставлю его посередине ковра, а сама играю в сторонке со своими любимцами – одноглазым чёрным котом Базилио, Буратино в больших квадратных башмаках и белым пуделем Артемоном. Все они маленькие и прекрасно подстраиваются под мой сценарий. А слон стоит, нам не мешает. Бабушка Люся на кухне готовит обед. Она всегда что-нибудь готовит, потому что дедушка Гена ест дома. В отличие от дедушки Миши, у которого на работе есть столовая. И бабушка Люся работает только бабушкой, а не большим начальником, как Лиля, поэтому всё время на кухне.

– А когда мы будем делать игрушки для ёлочки на улице? – пристаю я к бабушке, когда мне надоедает история про то, как Артемон и Базилио украли башмаки Буратино.

Бабушка Люся накрывает сковородку с котлетами крышкой, выключает газ и вытирает руки о фартук.

– Ну давай делать! Тащи бумагу, клей и ножницы. А я найду ненужную ёлочную игрушку.

– А бывают ненужные ёлочные игрушки? – удивляюсь я.

В этом доме и нужных-то не хватает. Оказывается, ненужная – это битая игрушка. Бабушка Люся разбитые игрушки не выкидывает, а хранит для таких вот случаев. Мы вырезаем из бумаги плоские шарики для уличной ёлочки. Я раскрашиваю их фломастерами, а бабушка, сложив лист бумаги вдвое, засовывает внутрь разбитую игрушку и стучит сверху стаканом. Чтобы разбитая игрушка стала совсем разбитой. Потом капает клей на бумажный

шарик и насыпает сверху битое стекло. Получается очень красиво! Мы привязываем к шарикам ниточки и идём на улицу.

Ёлочки растут за домом, идти не больше минуты, но для меня это пока целое приключение. Мне кажется, вокруг непролазный лес, замётённый снегом, в котором мы, как мальчик из какого-то новогоднего рассказа, должны отыскать ту самую ёлочку. Мы проходим огромное озеро, которое замёрзло и превратилось в каток. Мальчишки катаются по нему на каких-то странных штукаках – дощечках, к которым прибиты коньки. Они подгибают колени, усаживаются на дощечки, отталкиваются палками и скользят. Мне кажется, им очень-очень весело, а мне грустно, что у меня нет такой дощечки.

– Я тоже хочу так кататься, – грустно говорю я.

– Но ты же девочка, а не мальчик, – замечает бабушка.

Вот это вдвойне грустно! Бабушка видит, как я расстраиваюсь, и вдруг подходит к одному из мальчишек.

– Дай девочке прокатиться, – говорит она ему. – Пожалуйста, она быстро.

Я не верю своему счастью. Усаживаюсь на дощечку, беру в руки палки. Но у меня не получается даже просто оттолкнуться, сил не хватает.

– Понимаешь теперь, почему эта игра только для мальчиков? – спрашивает бабушка, когда мы уходим с озера.

Я тяжело вздыхаю. Через пять лет я буду носиться по двору с пацанами своего возраста, играть в войнушку, прыгать с труб парового отопления и козырьков подъездов, кидать ножички, и никто не посмеет усомниться в моих способностях. А за «ты же девочка» от меня можно будет получить хорошую затрещину. Но пока что я покорно иду за бабушкой вешать бумажные шарики на ёлочку.

А ещё через пятнадцать лет я специально приеду в тот двор посмотреть на декорации моего детства. И пойму, что никакого огромного озера тут быть не могло. В лучшем случае – большая лужа метров пять в диаметре. И непролазного леса, конечно, тоже не было.

Тетя Нелля

У Лили (которая не бабушка) есть подруга. В этом не было бы ничего удивительного, если бы речь шла о какой-нибудь другой бабушке. У бабушки Люси подружек целая куча, они постоянно приходят к ней в гости: иногда по одной, а иногда и всей толпой. Иногда даже мешают: я хочу с бабушкой гулять пойти, а тут они, здравствуйте. Целый час будут чай гонять и о чём-нибудь скучном рассуждать. Но то бабушка Люся. А с Лилей всё всегда по-особенному. Она же большой начальник и вообще...

Но одна подруга у неё всё-таки есть. Она высокая, с чёрными длинными волосами и почему-то голубыми глазами. А ещё она ходит в брюках. Я первый раз вижу, чтобы бабушка ходила в брюках. Какая-то она неправильная бабушка – наверное, поэтому и дружит с Лилей. У тёти Нелли есть внучка Илона, и для меня само собой разумеющееся, что в этой семье у всех странные имена. Когда я узнала, что у Илоны есть мама Ирина, была сильно озадачена такой тривиальностью. С Илоной мы познакомились очень необычным образом.

Однажды в дверь квартиры двадцать восемь раздаётся звонок. Лилия открывает и видит на пороге тётю Неллю.

– Привет! – заявляет она с порога.

И тут я просто обалдеваю, потому что никто так с Лилей не разговаривает, кроме меня и Миши.

– А у тебя коляска на балконе валяется, она тебе нужна?

Тут я обалдеваю ещё больше. Потому что на балконе действительно валяется детская коляска. Ну, как валяется: она лежит на шкафу, который стоит на балконе. Вроде бы коляска предназначалась мне, но я не помню, чтобы ею пользовалась. Несколько раз я про неё спра-

шивала, но Лиля говорила, что неохота доставать, и вообще она грязная, пыльная, поиграй с чем-нибудь другим. Я и не настаивала, потому что с коляской ну какая игра? Пупсов в ней возить? Так я же в пупсов не играю, с ними никакой толковой истории не придумаешь.

– Мы тут с Илоной гуляли и увидели у вас на балконе коляску. Вам, наверное, не нужна, а Илона изнылась. Кукол ей возить не в чем, – говорит тётя Нелля.

И тут я вижу, что за тётей Неллей стоит девочка с торчащими во все стороны кудряшками и в розовом платьице с зайчиком. У меня тоже такое платьице есть, только я его не ношу. Потому что я вообще платьица не ношу, если мама не заставит. А мама редко заставляет – зачем ей лишние скандалы.

– Да забирайте, – говорит Лиля. – Только сами. Балкон вон там.

Это чтобы не возиться, не снимать пыльную коляску со шкафа, понимаю я. Лиля вообще не любит с чем-либо возиться, мыть, убирать. Она лучше книжку почитает или поиграет со мной во что-нибудь. Она истории умеет рассказывать – будь здоров! Ещё лучше, чем я. Поэтому с ней играть очень интересно. И книжки читать, и диафильмы смотреть. А мыть, убирать и готовить – это скучно, тут мы во мнениях сходимся.

Тётя Нелля идёт на балкон, снимает со шкафа пыльную коляску, и вместе с кудрявой девочкой они исчезают. Я забываю об их существовании на какое-то время. А однажды Лиля говорит:

– Тётя Нелля звонила. Тебя приглашают на день рождения Илоны. Пойдёшь?

– Не пойду, – говорю. – Я сказку смотрю.

По телевизору моя любимая сказка идёт, про Кощея Бессмертного. Очень мне Кощей нравится, симпатичный такой.

– Да не прямо сейчас, в воскресенье, – поясняет Лиля. – Подарок надо купить...

Я только плечами пожимаю. Как можно соглашаться на то, о чём не имеешь ни малейшего представления? Ни на какие дни рождения я раньше не ходила, что там делают, не знаю. Но вот наступает воскресенье, и мы с Лилей идём в дом через дорогу. Дом через дорогу гораздо старше нашего, и он какой-то страшный, если честно. Там тёмные подъезды, высокие двери и тёмные окна. Он напоминает мне дом из книжки «На старом чердаке», которую я один раз нашла на полке, случайно прочитала и потом ревела до самого вечера. Какая-то очень жуткая книжка, лучше даже не вспоминать.

Квартира тёти Нелли нравится мне гораздо больше, чем сам дом. Хотя всё тоже какое-то странное. Мебель не такая, как у нас, дети бегают и орут зачем-то. Но посередине комнаты, куда меня отправляют, стоит большой стол. А на столе – целый кукольный дом! То есть самого дома нет, стол – это дом. Но мебель расставлена, и этой мебели видимо-невидимо. И кухня есть, и ванная, и спальня. В кухне плита, холодильник, а посуды сколько! Даже бокалы есть, белые, пластмассовые. Это ж какую интересную историю можно рассказать, понимаю я, и тут же кидаюсь играть. Кукол, правда, маловато, и опять какие-то тупые: Барби, Кен... Но в таких декорациях и с тупыми куклами можно что-нибудь придумать.

Илона тоже тут бегают, но на меня особого внимания не обращает. Ей и без меня весело: они вместе с какими-то незнакомыми девочками играют в прятки. Заняться им больше нечем. Прятки! Когда тут столько кукольной мебели!

– Юля, а что ты со всеми не играешь? – удивляется тётя Нелля, заглядывая в комнату.

Я плечами пожимаю. Ну что тут ответишь? Что прятаться по углам как-то глупо? Вот что интересного в том, чтобы залезть под кровать и бояться, что тебя там найдут?

Но тётя Нелля, кажется, и не ждёт ответа, она слишком занята: она накрывает на маленьком столике для нас угощение. Для меня это тоже странно, потому что есть надо на кухне, а не в зале. На кухне сидят и едят взрослые, а мы почему-то должны есть отдельно. Я вообще есть не хочу, я дома поела.

А потом тётя Нелля приносит игрушечную посуду! Пластмассовые зелёные тарелки, на которых лежат сосиски и картофельное пюре. Ну понятно же, что пластмассовыми могут быть только игрушечные тарелки, человеческие – они из чего-то другого делаются, их разбить можно. То есть мы будем есть сосиски и картофельное пюре из кукольной посуды? И запивать компотом из кукольных пластмассовых стаканов. Как-то всё совсем странно.

Илона и другие девочки с удовольствием лопают сосиски, а я не понимаю, чему все так радуются. Ну сосиски, ну пюре. Ничего особенного, ничего вкусного. Ладно бы торт был!

Когда мы идём домой, Лиля спрашивает:

– Понравилось тебе на дне рождения?

– Нет, – честно говорю я.

– Почему? – удивляется Лиля.

– Они все странные какие-то. Давай я в следующий раз дома останусь? С Мишей. А ты иди.

С Мишей можно в Дядю Скруджа и Зигзага поиграть, слетать на остров Пасхи и найти сокровища. И поесть жареной картошки – Миша сам жарит картошку на сале, вкуснотень невероятная. Только Лиля об этом не знает: он её жарит, когда Лили дома нет, чтобы не ругалась.

В следующий раз меня позвали на детский день рождения уже в школе. В тот же самый страшный дом, но уже к другой девочке, с которой мы вместе учились. И было всё то же самое: дети бесились, привязывали друг к другу пояс с карандашом на нитке и пытались попасть карандашом в бутылку, приседая, как будто они какают. А потом нам принесли сосиски с пюре. И я поняла, что больше на детские дни рождения ходить не буду. Я сосиски вообще не люблю. Ладно бы торт!

Морковка

Тётя Нелля и Илона появляются в моей жизни ещё ровно один раз, зато при очень запоминающихся обстоятельствах.

Дом тёти Нелли и Илоны страшный только с одной стороны, где подъезды. А с другой стороны, где магазины и кафе, вообще не страшный. Магазинов целых три: хлебный, овощной и «кулинария». В кулинарию мы не ходим, потому что Лиля врач и знает, что всё мясо у них несвежее, в яйцах сальмонелла, в маринованных грибах ботулизм (и я без запинки выговариваю все эти страшные слова в свои пять лет и даже знаю, что они обозначают) и есть надо только домашнюю еду. В хлебный магазин ходим только за хлебом, хотя там продают восхитительные песочные корзиночки с кремовыми грибами. И не менее восхитительные бисквитные рулеты с масляным жирным кремом. Лиля при одном взгляде на волшебную витрину бледнеет:

– Неизвестно, когда это всё приготовили, сколько оно тут лежит без холодильника. А масляный крем! Это же смерть поджелудочной!

Я расту с убеждением, что вся еда, приготовленная вне Лилиной кухни, хочет меня убить, и провожаю корзиночки и бисквиты тоскливым взглядом. Когда я вырасту, я буду постоянно покупать торты и пирожные только с масляным кремом, слизывать все розочки и цветочки, которые мои домашние брезгливо снимают ножом со своих кусков, и особенно ценить «Киевский» торт, сделанный по ещё советскому ГОСТу. Такой жирный, что его можно есть с хлебом.

А вот в третий магазин, овощной, мы часто заходим. Там тоже продаются интересные вещи, например, солёные арбузы. Они плавают в больших бочках, тёмные, маленькие, почему-то совсем не похожие на те арбузы, которые летом привозят нам домой «из района». Но мы покупаем что-то банальное: картошку, свёклу и морковку.

С морковкой и происходит удивительная история. Во дворе тёти Неллиного дома появилась куча песка. Песочницы там никогда и в помине не было, а куча песка вдруг образовалась. В детстве вообще чудеса случаются, и главное из чудес – внезапная куча песка. Это значит, надо хватать формочки и бежать лепить куличики. Я обожаю лепить куличики – видимо, компен-

сирую нехватку жирных кремовых рулетов в своей жизни выпечкой из песка. Но формочки у меня только пластмассовые. Их много, они красивые: круглые, разноцветные, с выдавленными овощами и фруктами. Можно сделать куличик, в центре которого будет вишня или кабачок. Но я мечтаю совсем о других формочках – металлических, блестящих, намного больше похожих на те, которые бабушка Люся использует, чтобы печь печенье.

У Илоны как раз такие формочки, но она своего счастья не понимает. Ей нравятся мои, пластмассовые. И мы увлечённо ковыряем песочную кучу, играя с формочками друг друга. Счастье кажется беспредельным, но тут случается нечто ещё более удивительное. К овощному магазину с чёрного входа, как раз там, где мы играем в песчаной куче, подъезжает грузовик морковки. Морковка просто свалена в кузов, очень-очень много морковки.

– А ну, малышня, разойдись, – кричит нам шофёр.

Мы, конечно, разбегаемся. Грузовик разворачивается задом к чёрному входу и нашей куче песка, поднимает кузов и вдруг вываливает всю эту морковку.

– Да куда ж ты, в песок-то, – голосит тётенька в фартуке, которая работает в овощном магазине. – Рядом не мог, что ли. Как её теперь собирать-то?

А другие тётеньки уже несут деревянные ящики, в которые надо морковку собирать. Шофёр пожимает плечами, садится в грузовик и уезжает. А тётеньки остаются, собирают морковку. Мы с Илоной стоим в сторонке, держим свои формочки и крепко думаем о странном устройстве взрослого мира. Заинтересованные происходящим, подтягиваются девчонки, катавшиеся на качелях, и даже несколько пацанов, игравших на горке.

– Дети, а не хотите морковку пособирать? – вдруг предлагает тётенька в фартуке. – Вот морковка, вот ящики. А?

– Хотим! – вопит толстый пацан, стоящий рядом со мной.

– Хотим! – вторят ему девочки с качелей.

– Ну можно, – соглашается Илона.

А я что? Я вообще за любой кипиш, кроме голодовки. Мы начинаем собирать морковку. Поначалу это даже веселее, чем куличики. Берёшь морковку, кладёшь в ящик. Ещё одну берёшь, снова в ящик. И опять, и снова. Илона берёт одну морковку, стоит с ней задумчиво, потом берёт в руки ещё одну, и ещё. Больше трёх морковок в руках не умещается. А потом вдруг идёт не к ящику, а в обратную сторону, за угол дома, где на лавочке сидят наши бабушки. И всего этого безобразия не видят.

Я задумчиво смотрю на Илону, угадывая ход её мыслей. Морковку-то мы с Лилей в овощном магазине покупаем. А зачем покупать, если она вот, в песке валяется? На дворе, замечу, начало девяностых. Лозунг «тащи всё, что плохо лежит» – наша объективная реальность. Я беру одну морковку, вторую, третью и топаю следом за Илоной.

– Бабушка, я морковку принесла, – радостно сообщает Илона, сгружая добычу на колени тёте Нелле. – Там ещё есть, я ещё пойду принесу.

– Вот молодец, – хвалит её тётя Нелля.

Тётя Нелля её вообще за всё хвалит. Даже когда не за что, например, за съеденную сосиску с пюре. А вот Лиля напрягается.

– Что за морковка? Откуда морковка? В какие ещё ящики вы её собираете? В грязные ящики грязную морковку! Она же в земле. Ты знаешь, что такое столбняк?

Знаю, конечно. Столбняк на меня нападает, когда Лиля про очередную страшную болезнь рассказывает и всё веселье портит. Но Илона уже бежит за следующей партией морковки, а тётя Нелля деловито выуживает из своей сумки полиэтиленовый пакетик. Мне даже становится интересно, а тётя Нелля с Лилей точно подружки?

Нас спалили на третьей ходке.

– Куда? Ах, хулиганье, что ж вы делаете? А ещё девочки! Да мы бы вам так морковку дали!

Так! Кому она «так» нужна-то! Как будто у меня дома морковки нет!

В этот момент из-за угла появляется Лиля с охапкой морковки, которую я успела ей натаскать. И торжественно возвращает всю мою добычу тётенькам в фартуке. После чего мы идём домой. А куда делись тётя Нелля с Илоной, я как-то не заметила.

Спокойной ночи, малыши

Телевизоров в квартире двадцать восемь целых два. Большой стоит в зале, и его мы смотрим все вместе. Лиля смотрит «Санта-Барбару» и «КВН», а Миша – спортивные соревнования и концерты. Но так как спортивные соревнования иногда показывают одновременно с «Санта-Барбарой», у Миши есть свой собственный телевизор. Он маленький и чёрно-белый, а ещё у него шнур завивается колечками. Я думала, что он сам по себе колечками завивается. Есть же люди, у которых кудряшки сами собой на голове растут? Ну вот и с телевизорами так. А потом оказалось, что Миша специально наматывает шнур своего телевизора на палочку, чтобы он завивался.

Взрослым везёт – для них по телевизору постоянно что-то показывают. Можешь когда угодно телевизор включить, и смотри себе, радуйся. Миша так и делает. Приходит на обед – включает телевизор. Приходит с работы – снова включает. А для меня в обычные дни есть только «Спокойной ночи, малыши». Зато в выходные раздолье! Утром в субботу... Впрочем, я лучше пропою:

«Утром в субботу спать неохота,
Сон для усталых взрослых людей!
Мы приглашаем тех, кто отчаян,
В дикие джунгли скорей!»

Нет ничего лучше передачи «Зов джунглей». Там всегда сражаются хищники против травоядных, зарабатывают кости и бананы, чтобы потом получить призы. Призы – закачаешься! Каждому ребёнку дарят по ящику киндер-сюрпризов, ведру чупа-чупсов и огромной бутылке газировки! В общем, я болею за травоядных и мечтаю однажды очутиться на передаче.

В воскресенье ещё интереснее: в пять часов начинаются мультики. Сначала про дядюшку Скруджа, потом про Мишек Гамми, и я даже не знаю, кого люблю больше. Последним показывают мультфильм про Винни Пуха, и тут мне всегда становится грустно. Потому что это означает, что выходные заканчиваются, и завтра все опять пойдут на работу.

– Вот и закончился последний выходной, – всегда горестно сообщаю я под финальную песню «Винни Пуха».

Лилю мой драматический настрой пугает. Особенно с учётом, что я не хожу на работу и даже в школу ещё не хожу.

– Почему последний? Через пять дней снова будут выходные, – замечает она.

Ну да... А пять дней что делать прикажете? Даже мультики толком не посмотришь, в «Спокойной ночи, малыши» показывают всего один коротенький мультик.

В общем, с детским телевидением беда, и поэтому «Спокушки» никак нельзя пропускать. А я и не пропускаю: я научилась определять время, и без пятнадцати девять всегда сижу перед телевизором в ожидании Хрюши и Степашки. Лучше бы, конечно, появился Филя или Потапыч. Потапыч – мой самый любимый герой, но он редко приходит. А ещё я коллекционирую мультфильмы. То есть, если показывают мультик, который я раньше не видела, я бегу к Лиле и радостно сообщаю, что появился новый экземпляр в моей коллекции. А если мультик ранее просмотренный, то я небрежно замечаю, что такой у меня уже был. Это очень важно – знать все мультики.

Но сегодня происходит что-то необычное. На часах без пятнадцати девять, а «Спокойной ночи, малыши» на экране нет! На экране вообще ничего нет, кроме разноцветной заставки.

– Технические работы, – объясняет Миша. – Телевидение на профилактике.

– Как это?

– Ну, не будет сегодня Хрюши и Степаши, – разводит руками Миша. – Выходной у них.

Как не будет Хрюши и Степаши? Их не может не быть! Потому что... Потому что это несправедливо! Я же их ждала! А как я без них спать лягу?!

Я сама не замечаю, как начинаю реветь. Всё громче и громче. Потому что так нельзя поступать с детьми, которые целый день ждали «Спокойной ночи, малыши». Свою «Санта-Барбару» на профилактику отправляйте, всё равно она скучная. Миша с Лилей переглядываются.

– У меня сценарий, – страдальчески восклицает Миша. – Завтра надо сдавать! Я должен писать.

– Вообще-то это твоя работа, придумывать сказки, – вздыхает Лилия и поворачивается ко мне. – Юля, помнишь, у тебя комната была из картона? Ну-ка тащи её сюда. И коробку с маленькими игрушками.

Комната из картона действительно имеется. Это такая картонка, сложенная в три раза. Если её развернуть, то получаются как бы стенки, с обоями и окошечком. Посередине можно ставить мебель и играть.

Я приношу требуемое. Лилия роется в коробке с игрушками, достаёт поросёнка с отбитым ухом и резинового зайца.

– Ну вот. Хрюша и Степашка.

Какие же это Хрюша и Степашка? Во-первых, не похожи. Во-вторых, заяц в два раза больше поросёнка. Но я молчу. Потому что Лилия не так уж часто со мной играет, и лучше не портить вечер.

– Привет, девочки и мальчики!

Лилия ставит поросёнка и зайца посреди картонной комнаты.

– Привет, друзья! Хрюша, а почему у тебя такие грязные руки? Ты их когда последний раз мыл?

– Вчера. Или позавчера, я не помню.

– Ай-яй-яй, руки надо мыть несколько раз в день!

Началась история. Степашка отправляет Хрюшу мыть руки, потом они садятся пить чай с баранками и обсуждают Каркушу, которая сегодня не пришла на передачу, потому что пошла гулять с подружками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.